Когда В. А. Озеров в оде «На восшествие императора Александра Первого на престол всероссийский» писал:

Теките быстротечны воды,
Несите в глубину морей
Те слезы, лили что народы
У освященных алтарей,

читателю было ясно о каких слезах идет речь, даже если бы дальше и не следовали строки:

Стремишься в вечность ты подобно
О, время для Европы злобно!

Русская литература, не посвятив ни одного значительного произведения французской революции, не только отразила отношение к ней почти всех слоев общества, но и определилась в некоторых своих направлениях под влиянием впечатлений от революции.

Литературная деятельность Шишкова и Карамзина и борьба архаистов и новаторов, национализм, определившийся в качестве своеобразной литературной идеологии, в 90-х годах XVIII столетия в значительной степени обусловливались именно отношением русского общества к французской революции.

2

Во Франции уже задолго до собрания Генеральных штатов говорили о неизбежности переворота; эти годы и в России были далеко не спокойными.

Годы эти, начиная с усмирения пугачевщины, можно назвать периодом наступления Екатерины на то положение вещей, которое с ее точки зрения и точки зрения двора привело к Пугачевскому бунту. Вся законодательная деятельность Екатерины по укреплению городского управления была связана с желанием обеспечить себя от крестьянского мятежа. А. С. Шишков в своих «Записках», вспоминая о раздаче деревень при Павле I (т. е. много лет спустя), откровенно писал:

«Причиною сей раздачи деревень сказывают был больше страх, нежели щедрота. Павел I, может быть напуганный примером Пугачева, думал раздачею казенных крестьян дворянам уменьшить опасность от народных смятений».[1]

---

[1] А. С. Шишков, Записки. Берлин, 1870, стр. 22.